

ТАШ
OY

Карта
невидимого
мира

¤ РОМАН ¤

Перевод с английского
Анны Гайденко

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(5Маз)
О-90

MAP OF THE INVISIBLE WORLD by TASH AW

Copyright © 2009 by Tash Aw

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency

Перевод с английского Анны Гайденко
Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В оформлении обложки использована картина индонезийского художника Радена Салеха (1807—1880) “Нападение льва на всадника” (1842)

Таш Оу

О-90 Кarta невидимого мира: Роман / Пер. с англ. А. Гайденко. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 480 с.

16-летний Адам — трижды сирота. Он и его старший брат Джохан были оставлены матерью в детстве; позже Джохана усыновила богатая пара, Адама же воспитывал голландец Карл, и мальчик стал свидетелем, как его приемного отца увозят солдаты. Адам отправляется на поиски отца, но все, что у него есть, — старые фотографии и письма, которые приводят его в красочную и опасную столицу Джакарту. Тем временем Джохан живет, казалось бы, беззаботной, привилегированной жизнью в Малайзии, но он не может забыть свое детское предательство, когда он оставил младшего брата, беспомощного и доверчивого. История Адама и его поисков-скитаний происходит на фоне необретимых перемен в Индонезии, которая переходит от колониального прошлого к независимости. “Карта невидимого мира” — мастерский роман, подтверждающий статус Таша Оу как одного из самых интересных молодых писателей современности.

ISBN 978-5-907943-09-4

© Анна Гайденко, перевод, 2025
© Андрей Бондаренко, макет, дизайн обложки, 2026
© «Фантом Пресс», издание, 2026

1

Когда это наконец случилось, обошлось без применения грубой силы и без драматических сцен. Все кончилось очень быстро, и Адам снова остался один. Вот что он видел, спрятавшись в густом кустарнике.

Солдаты спрыгнули с грузовика на песчаную землю. Отряхнулись, опустили подвернутые штаны и заправили в брюки рубашки. Длинные рукава у них были закатаны плотными валиками выше локтей, отчего руки казались худыми и хрупкими, а пояса были такими широкими, что талии будто начинались от самой груди. Они смеялись, шутили и понарошку пинали друг друга. Ботинки у них были слишком большие, и во время бега солдаты напоминали клоунов. Они просто дети, подумал Адам, такие же, как я, только с винтовками.

Подойдя к ступенькам веранды, парни замешкались, переговариваясь. Они находились слишком далеко, и Адам не мог ничего разобрать. Потом двое скрылись в доме, а когда снова появились в дверях,

с ними вышел Карл. Наручников на нем не было, он медленно последовал за ними к грузовику своей прихрамывающей походкой, взобрался в кузов и исчез под брезентом. Издалека он выглядел таким же маленьkim, как солдаты, — совсем ребенок, только со светлыми волосами и розовой кожей.

Стойте. Адам хотел заорать им вслед, чтобы они оставили Карла. Не уезжайте, хотелось крикнуть ему. Но он промолчал и не двинулся с места, укрытый густой листвой и колючими ветками. Он умел задерживать дыхание и медленно считать от одного до десяти. Он давным-давно научился этому способу держать страх в узде.

Грузовик сдал назад и резко стартовал, взметнув облако песка и пыли; на его борту мелом был грубо намалеван пенис и тут же надпись: «ТВОЯ МАТЬ...» Небо, плотное, низкое и черное, уже несколько дней набухало влагой. Засуха стояла много дней, и вот наконец-то приближалась гроза. Дождя все заждались.

По правде говоря, появление солдат Адама не удивило. Весь месяц надвигающаяся катастрофа давала о себе знать, но, казалось, замечал эти предзнаменования только он один. Море неделями было неспокойным, под ногами все дрожало отголосками землетрясения. Как-то ночью Адама разбудили сильные толчки, и когда он выглянул за дверь, кокосовые пальмы раскачивались, хотя ветра не было; земля ходила ходуном, так что поначалу он даже не понимал, сам он шатается или деревья. Рыже-белый кот, который раньше целыми днями носился по соломенной крыше, охотясь на мышей и ящериц, теперь передвигался еле-еле, словно внезапно одряхлел и потерял былую ловкость, пока однажды утром

Адам не нашел его на песке мертвым: шея вывернута под неестественным углом, морда смотрит в небо.

А потом было это происшествие в городе. Один стариk приехал на велосипеде из деревни в горах, чтобы купить риса у китайского торговца. Он сказал, что только что вернулся из хаджа и что совершив паломничество почетно, но обходится оно недешево. Весь год урожай был никудышным, засуха продлилась слишком долго, и теперь у него не осталось еды. Он попросил отпустить ему рис в долг, но торговец наотрез отказался. В прошлом году, сказал торговец, было нашествие крыс, в этом — засуха. В следующем будет землетрясение, а еще через год — наводнение. На этом поганом острове всегда что-нибудь да происходит. Денег нет ни у кого, это все в городе подтверждат. Цены высокие, но винить в этом некого, и если тебе нечем заплатить, тут уж ничего не поделаешь. Поэтому стариk отнес в ломбард кольцо своей жены, маленький камень в тонкой серебряной оправе — возможно, янтарь. Оценщик-китаец пару секунд рассматривал его через пенсне, а потом вернул. Подделка, сказал он, пожимая плечами, дешевая подделка. Завязаласьссора, переросшая в рукоприкладство; посыпались оскорблени — как личные, так и расовые. А позже, когда наступила душная, густая ночь, кто-то — неизвестно кто — плеснул на дверь ломбарда керосином и поджег ее. Старые деревянные дома на этом острове (которых сохранилось не так много) вспыхивают мгновенно, и через полчаса ломбард уже полыхал. Никто не выжил. Китайские лавки оставались закрытыми три дня, никто ничего не мог купить. Внезапно по всему городу начались драки. Говорили, будто с материка приехали коммунисты,

чтобы нажиться на беспорядках. Банды молодежи, вооруженные мачете, бродили и размалевывали стены надписями. Коммуниаки СДОХНИТЕ. Китаэзы катились в ад.

Как будто газетная статья воплотилась в реальность: прямо на глазах у Адама фотографии сходили со страниц и оживали. Обугленные деревянные оставы сгоревших зданий, кроваво-красные надписи на стенах. Пустые улицы. Адам знал, что и в других частях Индонезии неспокойно. Он слышал, что творится какая-то революция, — но не как те революции во Франции, России или Китае, про которые он читал, а нечто неясное, расплывчатое, когда никто до конца не знает, что свергнуть, а что оставить. Впрочем, это были проблемы Явы и Суматры — дальнего края страны островов, разбросанных по морю, как водоросли по берегу. Так считали все вокруг. Только Адам знал, что и тут небезопасно.

Карл отказывался что-либо предпринимать. О том, чтобы уехать, он даже не помышлял.

— Но как же... — пытался возразить Адам. Он читал газеты, слушал радио и знал, что по всему архипелагу творится что-то неладное.

— А зачем?

— Из-за твоего... из-за того, что мы, то есть нет, ты другой.

Еще не закончив фразу, он догадывался, каким будет ответ.

— Я такой же индонезиец, как и все жители этого острова. Так написано в моем паспорте. Цвет кожи неважен, я всегда тебе это говорил. И если за мной придет полиция, я скажу им то же самое. Я не совершал преступлений, я такой же, как все.

И они остались. Они остались, и пришли солдаты. Адам был прав с самого начала — он знал, что за ними придут. Раньше он представлял, как они с Карлом окажутся в тюрьме в Сурабае или где-нибудь еще на материке, может быть, даже в Джакарте, но теперь он был один. Впервые в жизни он был один — по крайней мере, впервые в этой жизни.

Он долго ждал в кустах после того, как грузовик уехал. Сам не знал зачем, но все равно сидел на корточках и ждал, едва не касаясь задом земли и подтянув колени к подбородку. Когда почти стемнело и с моря снова подул ветер, он вернулся домой и устроился на веранде. Он ждал, пока не наступила глубокая ночь, пока он не перестал различать ничего, кроме силуэтов деревьев на фоне бесконечной пустоты моря, и тогда ему стало спокойнее.

Ночь на островах стущается быстро, и как только это произошло, вокруг уже ничего не увидеть. Если зажечь лампу, она осветит небольшое пространство, но за пределами кружка бледного сияния как будто нет ничего. Холмы, низкорослые леса, скалистый берег, пляжи с черным песком сливаются воедино, перестают существовать как отдельные формы. И когда Адам неподвижно сидит в темноте, только его не-глубокое дыхание выдает, что он все еще здесь, все еще ждет.

2

Это Адам. Он попал в этот дом, когда ему было пять. Сейчас ему шестнадцать, и он ничего не помнит о своей жизни до приезда сюда. Иногда он просыпается, содрогаясь — не от кошмара, а от неприятного ощущения, будто он смотрит в огромную пропасть, нечто вроде зияющего бездонного колодца, и эта необъятность поглощает его. Тут-то он и просыпается, потому что не в силах вынести гнетущей пустоты. Сцены из детства не желают вспоминаться, даже когда он закрывает глаза и пытается воссоздать их в воображении. В такие мгновения между сном и бодрствованием, положив голову на подушку, он пытается отпустить мысли на свободу, надеясь, что на сей раз прошлая жизнь наконец прорвется сквозь трещины и воспоминания затопят его сон, как теплая бурлящая вода по весне. Однако этого никогда не происходит — его ночи пусты, и ему совсем ничего не снится.

Редко — очень редко — перед глазами возникнет какой-нибудь образ и, тускло померцав несколько

секунд, опять исчезнет: черный мох на голой бетонной стене, расщепившиеся ножки письменного стола, потолок длинной темной комнаты, кусок холста, столешница, настолько густо испещренная червоточинами, словно только из них и состоит, так что пальцы Адама нашупывают сплошные дырочки, а не твердую древесину. Еще, бывает, к нему приходят звуки. По цинковой крыше, как гвозди по стенкам гигантской консервной банки, стучит дождь. Слышно странное бормотание, монотонный тихий гул — и не шепот, и не разговор в полный голос. Все, что получается различить, — шипящие “с” и иногда “ш”, будто целый хор взывает к молчанию. Эти звуки раздаются в какой-то большой комнате наподобие общей спальни, и, разумеется, Адам не может себе ее представить. А порой, когда он занят совершенно обычным делом — едет на велосипеде в город, кормит кур или плавает над рифами, разглядывая останки затонувших кораблей, — в голове у него на мгновение, как вспышка, зажигается одно-единственное слово. *Ракушка. Пасха. Снег.* Он сразу понимает, что это слово из его прошлой жизни в приюте.

Но эти фрагменты слов и образов никогда не сливаются воедино в нечто осмысленное, нечто более сложное, они остаются кусочками разбитой мозаики, которые очень мало что значат. В воспоминаниях Адама, если это можно назвать воспоминаниями, нет ни людей, ни лиц, ни тел, ни даже животных.

Раньше невозможность вспомнить хоть что-нибудь очень мучила Адама. Несколько лет назад, во время подросткового гормонального буйства, когда он был одновременно зол, растерян и немножко не в себе, ему захотелось узнать о своей родной семье.

Он обвинял Карла в том, что тот лишил его прежней жизни и нарочно скрывает правду. Если приходившие к ним в гости люди спрашивали, как его зовут, он отвечал: “По имени — Адам, а фамилии у меня нет”. Тогда он наслаждался молчанием Карла и его неспособностью хоть что-то ответить; Карл не произносил ни слова, улыбка застывала на его лице, а гости притворно смеялись, делая вид, что это забавно. Но сейчас Адам понимает, что поступал некрасиво, и уже ему становится стыдно всякий раз, как он вспоминает этот неловкий период своей жизни. Никаких секретов и не было, теперь он это знает. Он понял, что жить надо настоящим.

Именно это он твердит себе, сидя на ступеньках темного, опустевшего дома. Когда он впервые сюда попал, ему пришлось учиться жить в чужой обстановке. Теперь надо научиться этому заново. Заглядывая в дом, нутро которого снова кажется чужим и далеким, Адам пытается вызвать в памяти свои первые дни здесь, когда Прошлое отделилось от Настоящего и очень быстро потеряло всякое значение. Десять, одиннадцать лет назад — не так уж и много времени прошло. Если припомнить, как он справился тогда, возможно, ему удастся это повторить.

В тот день, когда Карл привез Адама из приюта, его жизнь начала обретать ясные очертания. Образы стали четче, запахи — острее, эмоции — отчетливее, и мутная тьма прошлого медленно отступила.

Первые несколько дней Адам не отваживался выходить из своей комнаты, словно робкий зверек, попавший к новому хозяину (много позже Карл и вправду сравнил появление в своем доме Адама с появлением новорожденного птенца или котенка,

и Адаму его слова не понравились именно потому, что были правдой). Слишком многое нужно было осознать, слишком многое было чуждым и неподходящим на то, что он видел раньше. Непрерывное прослушивание радио и далекие голоса, говорящие на неизвестных языках. Разноцветные корешки огромных книг. Загадочные приспособления, разбросанные по всему дому (вскоре он узнал, что это совершенно прозаические вещи — пищущая машинка или бинокль, — но в то время они представлялись фантастическими, даже пугающими). А главное — этот иностранец, который слегка прихрамывал и, казалось, относился к Адаму так же настороженно, как и Адам к нему. Он не осмеливался подойти слишком близко, хотя улыбался ласково, и в его манере держаться ощущалась неловкость, как будто он боялся Адама. Три раза в день он оставлял еду на столике рядом с кроватью. “Спасибо, сэр”, — говорил Адам, и тот уходил, позволяя ему привыкать к новой обстановке в одиночестве.

Но однажды этот человек (как успел выяснить Адам, его звали Карл) опустил тарелку на маленький квадратный столик и помедлил. По комнате распространился запах пряного овощного супа, пробудивший в Адаме аппетит. “Пожалуйста, не называй меня сэр, — сказал Карл. — Зови меня отец”. И вышел еще быстрее обычного, словно сам испугался своих слов.

Какая глупость, подумал Адам. Он не может относиться к этому человеку как к отцу, он *не будет* этого делать. Карл выглядел очень необычно и ничем не напоминал тех людей, которых Адам видел раньше, скорее героя какого-то причудливого мифа —

светлая кожа и почти такие же светлые волосы, глаза неопределенного оттенка (иногда зеленые, иногда серые, но всегда какие-то слоистые, будто минерал), до странности резко выраженный нос, розовый румянец на щеках. Адам уже тогда понимал, что эти черты лица характерны для холодного климата. Он отбросил эту мысль и принял за еду. Нет, Карл ему не отец.

В те первые дни Адам подолгу сидел на кровати, скрестив ноги и прислонившись спиной к стене, и прислушивался к незнакомым звукам нового дома: к шагам Карла, мягко ступающего по половицам, к музыке, доносившейся из гостиной (он не мог припомнить, слушал ли раньше музыку, но даже если и да, то явно не настолько сложную и чуждую для его ушей). Лежа в постели, он прислушивался к настойчивому мяуканью кошки, наблюдавшей за ним со шкафа, но главным образом он прислушивался к далекому, гипнотическому плеску волн о скалы, который его убаюкивал.

Адам понимал, почему оказался здесь. И понимал, что ему повезло. Его забрали, чтобы он мог начать лучшую жизнь. Но в тот момент он не чувствовал себя везучим и не знал, что представляет собой лучшая жизнь.

Перед сном он задумывался, не скучает ли по приюту, не из-за этого ли ему грустно. Но нет, он не испытывал ни ностальгии, ни горечи, его воспоминания о приюте уже стали туманными, подернулись пеленой. Лежа в постели и слушая бесконечный шум волн, он начал понимать, что грусть не будет длиться вечно, это была другая грусть, не похожая на ту, какую он испытывал раньше. Откуда-то Адам знал, что

в этом новом доме, с этим человеком, робким и в то же время внушающим робость, он сумеет забыть свою тоску. В его новой жизни было много страхов, но страх больше не казался чем-то огромным, непредetermined и жутким. Его можно было преодолеть. Теперь Адам это осознавал. И с этими мыслями он засыпал. В первые дни он спал очень много.

Мало-помалу он стал исследовать дом, сперва боязливо, выбинаясь из своей комнаты только после того, как Карл уйдет. Когда его страх перед незнакомой обстановкой отступил, он начал брать с полок книги и рассматривать картинки. Он не умел читать (пока что), но подолгу рассматривал озера и леса на иллюстрациях, догадываясь, что они находятся где-то в холодных странах, потому что они были совсем не похожи на те, что он видел вокруг. Светловолосые дети на этих картинках — крепкие, тепло и красиво одетые — выглядели счастливыми, в отличие от приютских, которые были не очень-то счастливы. Они были тощими, как и сам Адам, и постоянно уставали, а у тех, что помладше, иногда раздувались животы, хотя они голодали. Наверное, легко быть счастливым, если у тебя есть хорошая одежда, еда и родители, думал Адам, наверное, теперь ему тоже станет легко быть счастливым. Ему нравились эти картинки, потому что он воображал себя таким же, как изображенные на них дети, а не как те, кто жил с ним в приюте. Эти здоровые европейские мальчики казались маленькими копиями Карла, и, наблюдая за тем, как Карл работает во дворе, Адам представлял его катающимся на коньках по замершим прудам или гуляющим в сосновых лесах и понимал, что дом Карла тоже остался очень далеко.

Адам нашел и книги с репродукциями картин — портретами женщин, вроде и похожих на индонезиек, но не совсем: фигуры у них были пышные, а глаза яркие, не обезображеные желтухой или катарактой. Они носили за ушами цветы и смотрели прямо на Адама, как бы вопрошая: откуда ты? Ты один из нас или чужой? Эти картины ему не очень нравились.

Постепенно он начал позволять Карлу читать ему вслух. Они усаживались на узкий плетеный диван в последний предвечерний час, незадолго до того, как стущаются сумерки, и Карл читал волшебные легенды разных островов Индонезии. Адам узнал о храбром маленьком Биваре, который сразил страшного дракона; о неблагодарном Си Тангандже, выходце из простой семьи (такой, как наша, пояснил Карл), который покинул родную рыбачью деревушку, обрел богатство и известность, а потом отрекся от своей бедной матери; о прекрасной Ларе Джонгранг, которую алчный Бандунг превратил в камень за то, что она хитростью избежала брака с ним. Пока Карл читал, Адам смотрел на отлив; в этот час море всегда было ровным, разве что подернутым едва заметной рябью, и во впадинах рифа начинали образовываться гладкие лагуны. Адаму нравились эти легенды — он до сих пор помнит каждую из них, — но больше всего ему хотелось, чтобы Карл прочел что-нибудь про белокожих смешливых детей. В их мире людей не превращали в статуи или животных, аочные демоны не вмешивались в вековые распри. Там спокойнее, думал он.

И тем не менее ему повезло оказаться там, где он был сейчас. Он знал, что не должен мечтать о большем.

Адам открыл для себя и музыку благодаря проигрывателю, с которым вскоре научился управляться. Маленькая коробка была сделана из дерева шоколадного цвета снаружи и светлого дерева внутри, и Адам поднимал крышку, выбирал (чисто наугад) шесть пластинок и аккуратно укладывал на штырек, торчащий над диском. Каждая композиция заставляла его осознать, насколько его жизнь до попадания в этот дом была лишена музыки. Слушая переливчатый женский голос или веселую мелодию трубы, он пытался припомнить, звучали ли в приюте те народные песни, которые часто мурлыкал Карл, но тщетно: память заволакивало покровом тишины, и пейзаж его прошлого вдруг становился неподвижным и бесцветным, как будто настал один из тех прохладных дней после дождя, когда в тумане не видно ничего, кроме неясных очертаний редких деревьев.

Иногда Карл приобнимал Адама за плечи, это было короткое, теплое объятие, означавшее благодарность за то, что Адам выбрал пластинки и включил проигрыватель; от улыбки в уголках глаз у него разбегались морщинки, и Адаму становилось приятно, будто он сделал что-то неожиданно хорошее. Раньше он и не подозревал, что способен кого-то радовать.

Адам не помнит, когда именно Карл стал для него отцом, а не инопланетным существом с кожей цвета сухого песка и веснушками на лице и руках. Но, кажется, ему потребовалось всего несколько недель, чтобы освоиться в новом мире, где этот белый человек был уже не чужаком, а тем, кто всегда рядом, кто дает Адаму понять, что его дом — надежное убежище, не связанное с прошлым.

“Меня зовут Адам де Виллиген”, — говорил он себе в первые месяцы: это успокаивало. Он повторял эти слова вслух, потому что ему нравились их звучание и ритм, нравились непривычные движения губ. Находя утешение в звуке собственного голоса, он постепенно перестал задумываться о том, какой могла быть его прежняя фамилия. Теперь, когда он слышит свое имя, ему кажется, что Адам де Виллиген звучит как надо.

*Goede avond, mijn naam is Adam de Willigen**. Видите? Он говорит и по-голландски тоже. Но знает только простейшие выражения, потому что Карл не хочет, чтобы в его доме говорили по-голландски. Он сказал, что это язык угнетателей и что Адам не должен впитывать культуру страны, которая колонизировала его родину. “Теперь мы обрели независимость, — объяснил он, — и нам нужна собственная культура”. Компромиссом для них стал английский, Карл считал, что его “полезно знать”, и ежедневно занимался с Адамом. В тех редких случаях, когда у них в гостях бывали европейцы, разговоры велись на английском, и Адам, к собственному удивлению, вполне свободно поддерживал беседу. Однако его интерес к голландскому не угасал еще очень долго, только усиливаясь из-за того, что Карл решительно отказывался говорить на этом языке. Однажды к ним неожиданно приехала голландская пара, которая бежала с Флореса и пыталась вернуться в Голландию. Им рассказывали о Карле, и они знали, что найдут в его доме пристанище на несколько ночей, пока планируют отъезд в Джакарту и дальше домой. Они при-

* Добрый вечер, меня зовут Адам де Виллиген (нидерл.).

ехали загорелые, запыленные с дороги, с одним единственным чемоданом. Карл принял их вежливо и уступил им свою комнату, но целых два дня в доме царило напряженное молчание, потому что муж говорил по-индонезийски совсем чуть-чуть (он выучил только флоресский диалект нгада, толку от которого было мало), а жена не говорила вообще, разве что могла обменяться парой слов с кухаркой перед едой. Когда они говорили по-голландски, Адам с восторгом вслушивался в сочные, гортанные фразы, но Карл сухо отвечал по-английски или вообще игнорировал своих гостей. Так вот как это звучит, думал Адам, и вдруг отдельные слова и короткие предложения, которые он запомнил, рассматривая голландские книги на полках, начали обретать смысл. Адама возмущало нежелание Карла говорить по-голландски и вести себя более любезно. Для него оставалось загадкой, почему Карл не может проявить дружелюбие к этим людям, если сам такой же, как они. В те дни он еще не осознавал, что Дом — это не обязательно место, где ты родился или вырос, это нечто иное, эфемерное, что можно обрести на любом краю света. Тогда Адам просто злился на Карла, потому что не понимал ни этого, ни многого другого.

В ночь перед тем, как голландцы должны были уплыть на пароме, Адам увидел, что жена сидит одна на кровати и складывает одежду в открытый чемодан. Заметив Адама, она улыбнулась и сказала: “Заходи”. Адам сел рядом и стал смотреть, как она берет из стопки одну тонкую хлопковую рубашку за другой и бережно сворачивает, прежде чем убрать в чемодан. Рубашки были крошечные, на совсем маленького ребенка, украшенные бледными розовыми

и красными цветами. Вдруг женщина очень тихо заговорила по-голландски, хотя Адам не мог ей ответить. Он вспомнил здоровых светловолосых мальчиков и девочек из тех книжек с картинками; каким-то образом он догадался, что женщина говорит о детях. Она умолкла, легонько коснулась его щеки и погладила по волосам. Потом прибавила еще что-то и покачала головой, слабо улыбаясь.

— Не понимать? — спросила она по-индонезийски.

И Адам действительно ее не понимал.

— *Onthaal aan mijn huis**, — ответил он. Эти слова он как-то видел в книге и примерно представлял, что они означают.

Она рассмеялась глубоким, теплым смехом.

— Спасибо, Адам де Виллиген, — сказала она, вытирая глаза. — Спасибо.

Эти сцены из Нынешней жизни легко прокручиваются в голове Адама всякий раз, когда ему захочется. Все детали такие же четкие и яркие, как и в тот день, когда происходило то или иное событие; Адам наслаждается своей властью над воспоминаниями, способностью воскресить их в любой момент — хоть во время прогулки по рисовым полям, хоть во время купания в море. Даже сейчас, направляясь в темноте в спальню (ему не нужно включать свет, он прекрасно знает дорогу от веранды), он понимает, что может при желании вызвать в памяти каждый эпизод своей жизни в этом одноэтажном доме из бетона и дерева.

Иногда Адам по-прежнему пытается воспроизвести что-то из приютских времен, собрать воедино

* Добро пожаловать в мой дом (нидерл.).

фрагменты, всплывающие в голове, но ничего не получается, и он тут же упрекает сам себя — нечего было заниматься ерундой. Он знает, что, как ни старайся, первые пять лет жизни так и будут от него ускользать, что пора прекратить эти попытки и отпустить прошлое. И все же не может устоять перед искушением. Прошлое остается с ним, как глубоко засевшая в коже заноза, которая чаще всего не ощущается совсем, но порой напоминает о себе. И когда начинается покалывание, Адаму хочется расчесывать зудящее место, даже если это не принесет облегчения. В такие тихие минуты, как сейчас, когда ему страшно и одиноко лежать в кровати, он иногда погружается в это вместилище пустоты.

Зачем?

Затем, что в застилающем его память тумане есть один-единственный несомненный факт, образ человека, который точно существовал, и именно это влечет обратно.

У Адама был брат. Его звали Джохан.

Только вот Адам не может вспомнить о нем ничего, даже его лица.

